

**Александр
Петров**

**Дочь
генерала**

Александр Петров

Дочь генерала

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3300715

Дочь генерала:

Аннотация

Наташа, красивая и чистая сердцем, но неверующая в Бога дочь генерала знакомится с православным поэтом Сергеем. В душах обоих молодых людей зарождается глубокое и прекрасное чувство, и кажется, что будущее их безоблачно, но кто знает, какие испытания суждено пройти молодой чете, для того, чтобы собрать своё сокровище на небесах...

Содержание

1. Чудаки	4
...И тут вошла она	4
Вечер поэзии	21
Золотая роза	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Петров

Дочь генерала

1. Чудаки

*Или беги, удаляясь от людей,
или шути с людьми и миром,
делая из себя юродивого*
Краткий патерик, гл.8 сл.2

...И тут вошла она

История эта началась в те времена, о которых принято вспоминать с традиционной ностальгией. Или позже?.. Не важно. Не стоит искать здесь конкретные события и знакомых людей, потому что все это могло произойти в любое другое время и с другими людьми.

В те годы неженатые мужчины искали себе возлюбленных строго противоположного пола. Так было принято. И большинство соискателей узнавало на собственном опыте, какова пропасть между идеалом и реальным человеком, даже если это цветущая девушка. И тогда они шли по стопам Виктора Франкенштейна, создавая собственный гомункулус: «если бы к глазкам Машеньки да прибавить носик Милочки, да

вливать разум Сонечки, да отшлифовать элегантностью Ирочки, да отполировать обаянием Оленьки, да вставить в оправу скромности Верочки...» О том, что получается в результате таких экспериментов, можно прочесть в одноименном романе миссис Шелли.

А теперь внимание! Именно такая идеальная девушка – без порока и изъяна – вошла в настежь распахнутые двери студии. Шатенка и вся в чем-то таком невесомо-светлом, изысканно-скромном. В светло-карих глазах сияли янтарные огоньки. Едва заметная застенчивая улыбка обдавала окружающих лучистым теплом. Скажете, таких не бывает? Уверяю: были, есть и будут! Правда, только с первого взгляда... До второго, третьего и так далее мы еще дойдем, и что нас ожидает за тем поворотом, не знает никто.

Итак, девушка замерла в нерешительности, слегка прищурила выразительные глаза и медленно обвела взором просторное помещение с тремя бородачами, занимавшими каждый свой сектор.

– Ой, к кому это? – икнул Вася, румяный курносый толстяк, расплываясь в улыбке, в которой принимало участие не только лицо, но и вся верхняя часть тела.

– Не волнуйся, не к тебе, – успокоил его спортивный брюнет Боря, пружинисто поднявшись навстречу незнакомке.

Однако девушка, удостоив его лишь мимолетным взглядом, продолжила поиск.

– Вы само совершенство! – воскликнул Боря, приглажи-

вая франтоватую эспаньолку и пузыри на рыжих вельветовых брюках.

– Мне это уже говорили, – рассеянно кивнула незнакомка, не возражая против целования своей ручки окаменевшими мужскими губами. – А где Сергей?

– Вон тот анемичный мачо, – указал подбородком Борис в дальний угол, – и есть его останки.

Девушка подошла к сидящему в глубоком кресле мужчине, закрытому большим глянцевым журналом, и в легком поклоне нависла над ним.

– Простите, не могли бы вы проявить уважение к бедной девушке? – смущенно пропищала она тонким голоском, в котором звучала просьба, ирония и самооправдание. Вообще-то при желании там можно было услышать гораздо больше: все-таки ситуация нештатная, и все оказались в смущении.

– Еще чего!.. – хрустнул журналом тот, кто использовал его в качестве щита. Впрочем, не вполне удачно: щит не мог скрыть бордовых пятен, выступавших на руках и обнаженных щиколотках.

– Вчера вечером вы показались мне более учтивым.

– Это... Я был... того... в исступлении, – последовал ответ, причем ноги в стоптанных шлепанцах заходили ходунком.

– Исступление – это когда душа исступает, то есть выходит, из тела и живет отдельно, по своим душевным зако-

нам, — пояснил Борис, старательно напоминая о своем присутствии.

— Спасибо, я в курсе, — вежливо кивнула девушка. Потом сокрушенно обратилась к Сергею: — Мне лучше уйти?

Василий, и тем более Борис, молча, но красноречиво возмущались такой постановке вопроса, вращая глазами и размахивая руками у нее за спиной. Только девушка не обращала на них внимания, а видела лишь того, кто упорно сидел за укрытием и выдерживал динамичную паузу в двенадцать тактов.

— А вы это... Чего приходили-то? — раздалось, наконец, из-за журнала. Шлепанцы замерли.

— Да вы сами пригласили меня вчера. Вот я и пришла... — снова пискнула она. Наконец, решительно выдохнула последний аргумент: — Я и пельмени принесла, как вы просили. Сама лепила!

— Тогда другое дело! — ожил Сергей и отложил журнал. А трое присутствующих увидели изможденно-пятнистое, но весьма привлекательное лицо с мешками под голубыми глазами в обрамлении светло-русых растрепанных кудрей.

Друзьям Сергея было известно то, что девушке узнать еще только предстоит. Ходить на поэтические вечера входило в его обязанность, но не нравилось. Дня за два до объявленного вечера он становился раздражительным, волновался и не находил себе места. За несколько часов до выхода пятнистый румянец покрывал его бледные скулы, а глубоко вва-

лившиеся глаза возбужденно сверкали голубыми молниями. На вечере он мог просидеть в темном углу, мрачно цепenea от окружающего буйства, или, наоборот, впадал в неистовство, привлекая к себе слишком много внимания. По большей части, конечно, дамского... Домой приходил усталым, подавленно молчал и падал на кровать. Утром становился тихим, как сытая кошка. Впрочем, как раз именно сытости ему в то утро и не хватало. Друзья, занятые делами, как всегда позабыли о завтраке. Сергей же утопал в кресле, внутренне переживал вчерашнее, не смотря на требовательное урчание поэтических недр.

Пока наш голодный поэт знакомит гостью с устройством кухни, пока готовится завтрак, нелишне описать дорогому читателю то помещение, где все это происходит.

Жили трое друзей в студии уже несколько лет, притом, что у каждого имелась своя жилплощадь. Просто здесь им было удобнее. Может потому, что тут в эфире пространства непрестанно витала некая тонкая неуловимая субстанция, которая в быту называется «духом творчества». И если у кого-нибудь случался кризис, остальные подзаряжали усталого друга вдохновенным трудом. Этому способствовало и то, что каждый имел собственное призвание: Борис писал прозу, Василий был художником, а Сергей – поэтом. В этих стенах им легко писалось, думалось и дружилось.

Помещение принадлежало Валентину – такому же чудаку, только состоятельному. Откуда у хозяина деньги, никто не

спрашивал, чтобы ненароком не потерять к нему уважения. Самым замечательным его качеством было то, что он не работал на износ, не «делал деньги», а жил как бы играючи, занимаясь тем, что ему нравилось. Пожалуй, больше всего его интересовал человек во всех проявлениях. Особенно люди неординарные, творческие и те самые, которые «не от мира сего». Он почти ничего не рассказывал о своей деятельности, никогда не сетовал на трудности, будто их не существовало. Впрочем, кое-что из той жизни, которую проводил Валентин за пределами студии, иной раз перепадало и жильцам. Например, он обладал большими связями и знакомствами, поэтому без труда, между прочими делами, продавал их произведения, щедро выплачивая гонорары.

Раньше это сооружение было гаражом на шесть автомобилей и принадлежало серьезному ведомству. Потом государство усомнилось в его серьезности, руководство все это присвоило и продало Валентину за небольшие деньги, в диковинной тогда валюте. Новый хозяин переоборудовал гараж под частную картинную галерею. Он обходил друзей и убедительно говорил:

– Может, уже хватит, в конце-то концов подчиняться чинушам от искусства!

– Конечно, – соглашались непризнанные гении, – сколько можно! Совсем уже!..

– Может, пора встать с колен и во весь голос заявить о своем праве на свободу творчества!

– Безусловно, – кивали те, – заявим и еще как! Нам только давай!

– Тогда готовьте свои шедевры, господа! Скоро у вас будет свой манеж!

– Уже несем, – восклицали те и бросались к пыльным запасникам.

От прежней галереи остались передвижные перегородки в гармошку, просторные балконы второго яруса, туалет с душевыми кабинами и даже небольшая кухня со стойкой бара. Стены имели апельсиновый цвет, потолок – бирюзовый, оконные витражи – светло-зеленый, что создавало иллюзию постоянного присутствия здесь солнца. Потом Валентин галерею перенес в центр города, здесь отгородил треть помещения под склад компьютеров, а остальную часть отдал друзьям, которые иногда работали грузчиками и постоянно – сторожами. Студия находилась в странном районе, где вперемежку стояли жилые дома с магазинами, небольшие заводы, научные институты, парки со скверами и даже имелась набережная, откуда порой доносились крики чаек и корабельные гудки.

Однако, завтрак приготовлен, и друзья сошлись в небольшой столовой. Сначала они молча встали, склонили головы, потом Василий нараспев прочитал «Отче наш» и перекрестил блюда. При этом мужчины стали необычно серьезны, а девушка искоса смотрела на них, медленно неуверенно крестясь. Но вот все расселись по высоким стульям за стойкой

бара и разом улыбнулись. Наташа – так представилась гостья – решительно встала с рюмкой в руке и обратилась к Сергею:

– Сергей, можно я скажу тост?

– Нет, конечно. Нельзя. Первым обязан говорить мужчина: так принято, – мягко улыбнулся Сергей, обнаруживая способность связно говорить.

Девушка безропотно села. Дочь военного, она с раннего детства привыкла к тому, что есть дисциплина, есть подчинение старшему – и это залог победы, необходимость, которая не обсуждается. Сергей с удовлетворением заметил это несомненное достоинство девушки и продолжил:

– Я предлагаю пригубить бокалы этого ароматного напитка за успехи в нашем труде. – Все дружно опрокинули рюмки и громко крикнули. После чего Сергей сказал: – А теперь, когда выдержан протокол, послушаем, что накипело в девичьей душе.

Девушка встала и обвела застолье взглядом, который охладил Бориса, согрел Василия и обдал жаром Сергея.

– Уважаемые друзья! Дорогой Сергей! Вчера я нашла то, что искала много лет. О, это такая драгоценность! Я-то уж думала, что это утеряно навсегда, но оказывается есть. Это – искренность!.. Нет, даже так: высокая искренность!

– Точно я вчера был не в себе, – проворчал тостуемый, дергаясь конечностями.

– Вот-вот! Эта его скромность только подтверждает мою правоту. (Сергей опрокинул бокал и разлил содержимое.)

Простите, я сейчас закончу мысль. (Поэт поймал вилкой пельмень, но тот упал на стол по пути к открытому рту.) Ребята, вы не представляете, какой человек живет рядом с нами. Как он читал! (Раздался мученический утробный стон.) Пел, ревел, как лев; парил в высоте! (Со звоном на пол упала вилка и весело зазвенела.) За вас, Сергей! За ваши стихи! Спасибо вам!

– Во-первых, давай на «ты». Что мы как французы какие... – Сергей вытирал салфеткой стол и пойманную вилку. – А во-вторых, ну ты... вообще!..

– О, великий! – воскликнул Борис, выпучив глаза. – Позволь коснуться краешка твоего нимба.

– А я согласен, – буркнул Василий, выпятив для убедительности нижнюю губу. – Сергей по праву заслужил признание. Наташенька вполне права, и «нести лести в глаголах ея», как говорили древние. За тебя, брат! Любо!

– Ну, ладно, – кивнул Борис, сурово махнув рукой, – коль пошла такая пьянка... Присоединяюсь и я к хору славословия, хоть знаю наперед, что мы нашему другу оказываем медвежью услугу. Но ничего! Он крепкий парень, авось выживет. Seriously, Серега, ты молодец и... всяких тебе благ и успехов в нашем многострадальном труде! Многая лета твоему таланту и его доброму носителю! Ура!

Наташа разругалась и захлопала в ладоши. Теперь она всех троих опаляла горячим взором янтарных глаз.

– Тогда и я... – встал смущенный Сергей, сильно оттяги-

вая мочку левого уха, и без того свекольного цвета. – Чего уж там... это...

– «Как все гении пера, он был косноязычен», – вставил Борис цитату, ловко закидывая в рот самый крупный пельмень.

– Это... – продолжил Сергей, вцепившись пятерней в шелюру, рискуя выдрать солидный клочок волос. – Короче, Наташа... Тут... вчера... там... был резонанс. Это когда частоты их совпадают и бах – вспышка! В общем, если тебе удалось уловить это... Наташа, ты настоящая. Ты тоже... и всё такое.

– Перевожу, – вставил Борис. – Мэтр имел в виду: если бы в тебе, очаровательная наша гостя, так опрометчиво влюбившаяся не в меня, гениального прозаика...

– ...Про каких заек?.. – улыбнулась девушка.

– Нас не так просто сбить с толку, – тряхнул крупным лоснящимся лбом Борис. – Если бы ты, Наташа, как доложил выше предыдущий оратор, не имела бы искренности, то тебе не удалось бы разглядеть идентичную субстанцию в бездонной личности гения рифмы и виртуоза белого стиха – нашего друга Сереги.

– Я попрошу!.. – вскочила девушка, нахмутив брови.

– Так, сядь! – прикрикнул на даму Сергей, грохнув пятерней о стол. – Успокойся и послушай, – продолжил он, размахивая травмированной кистью и жмурясь от боли. – Наташа, у нас тут не принято хвалить и воздавать почести. Понима-

ешь? Это на самом деле смертельно опасно. Тебе, наверное, известно, что такое тщеславие? В среде творческих людей – это враг номер один. Помнишь фильм «Адвокат дьявола» с Аль Пачино в главной роли? Там в конце фильма дьявол говорит: «Определенно, тщеславие – мой самый любимый из грехов!» А как с ним сражаться? Смирением. Поэтому у нас тут больше приветствуются шутки, насмешки и прочее шутовство. Это смиряет, не дает уму возноситься, приземляет. Привыкай. И не вздумай обижаться на моих друзей. Поверь, каждый из них гораздо лучше меня.

– И это, товарищи, правда! – солидно подтвердил Борис.

– Наташенька, извини, насчет тщеславия действительно так. – Василий поднял на гостью умоляющий взгляд. – Прости нас, все мы тут немножко чудаки.

– На букву «че», – уточнил Борис, доедая за обе щеки салат оливье под всеобщее замешательство.

– ...Мне уйти? – спросила девушка у Сергея, сбита с толку.

– Как хочешь, конечно, – небрежно пожал он плечами. – Но я бы на твоём месте не спешил. Посиди. Расслабься. Мы сейчас что-нибудь придумаем.

– А я попрошу Наташеньку мне попозировать, – сказал Василий, улыбаясь, как китайский мандарин. – Раз уж такая лепота под нашу крышу заглянула!

– Надеюсь, в одежде? – протянула девушка настороженно.

– Я бы на этом не настаивал, – задумчиво протянул Бо-

рис. — В конце концов, здоровый эротизм, как составная часть великой любви, никогда не мешал вдохновению.

— По-моему, девушка эротична и в одежде, — возразил Василий.

— А мне бы хотелось побольше простого созерцания за счет небезопасного воображения.

— Обойдешься, — решил, подумав, Василий. Потом обернулся к девушке: — Не обращай внимания. Это просто мысли вслух. Вон там у нас гардероб, где одежды навалом, на любой вкус. Можешь выбрать, чего пожелаешь. Как говорит один наш добрый знакомый: «честному вору все в пору». А мы пока тебе трон установим.

Они с Сергеем выдвинули на центр задрапированный багровым крепом пьедестал и взгромоздили на него вольтеровское резное кресло. Василий повернул мольберт и укрепил на нем грунтованный холст. Сергей придвинул свое глубокое кресло, открыл блокнот и сунул в карман авторучку. Борис разложил Васин этюдник, выдвинул телескопические ножки и установил на нем ноутбук. Друзья приготовились к сеансу и стоя ожидали появления из-за перегородки модели.

...И она появилась. Девушка надела темно-синее вечернее платье до пола с открытыми плечами, распустила шелковистые волосы по нежным перекатам плеч. Опущенные глаза прикрывали длинные пушистые ресницы. Под восторженное молчание мужчин она плавной походкой подошла к возвышению. Забытым жестом дамы, сающейся в карету, обеими

руками слегка подобрала подол, взошла на ступень и царственно расположилась на троне.

– Вот это да-а-а, – выдохнули мужчины и заняли рабочие места.

– Так и сиди! – вскричал Василий, схватил лист ватмана и толстый карандаш.

С полчаса они втроем лихорадочно работали. Василий один за другим сделал три карандашных наброска, затем принялся наносить тонкие линии углем прямо на холст. Борис часто щелкал по клавиатуре компьютера, изредка поглядывая на девушку. Сергей подолгу смотрел на нее затуманенным взором, шептал одними губами, потом будто очнувшись, покрывал чернильными строчками листы блокнота. Наташа терпеливо сидела, стараясь не шевелиться. Через полчаса румянец покинул ее щеки. Еще через десять минут модель начала едва заметно ерзать. К концу первого часа – тихонько поскуливать. В ее некогда восторженном взгляде, устремленном на Сергея, появилась мольба, а гладкое лицо прорезали страдальческие морщинки.

– Можешь немного отдохнуть и размяться, – позволил, наконец, портретист, удовлетворенно разглядывая карандашный эскиз.

Девушка соскочила с пьедестала и, повизгивая от счастья, закружила по студии. Сначала она приблизилась к Сергею, но тот захлопнул блокнот, встал и занялся приседаниями. Потом она в ритме вальса пронеслась мимо писателя, кото-

рый не отрываясь от клавиатуры, завершал длинную замысловатую фразу. И, наконец, остановилась у мольберта, слегка подпрыгивая. Она обвела пальчиком контур фигуры и сказала:

– Маэстро, а маэстро, ты мне льстишь. Я ношу сорок шестой размер одежды, а ты, Васенька, размахнулся на пятьдесят второй.

– Будем считать, что этот портрет на вырост, – улыбнулся Василий. – Видишь ли, в настоящее время мои картины покупают шведы и финны. А «горячие скандинавские парни» желают видеть русских женщин такими... сочными, мясистыми и поджаристыми.

– Ну, что ж, приятного им аппетита! – иронично вздохнула модель. – Значит, мой прообраз уедет на берега Балтики? Жаль.

– Ничего, ничего! Пусть нашей красоты займут, коль своя в дефиците. Кстати, высокий процент красивых женщин свидетельствует о высоком потенциале нации. Когда красавицы иссякнут, нация вырождается. Или наоборот?.. У нас в этом плане все нормально. Вот, помню, в шестидесятые годы одна красавица на миллион случится, и то радовались. А теперь – о-го-го! – каждая десятая загляденье, а каждая сотая – просто богиня! Значит, еще проживем! Да ты не волнуйся, Наташенька, я могу и для тебя портрет написать... сорок шестого, натурального размера.

– Наташ, ты не расскажешь нам о себе, – подал голос Сер-

гей. – Это помогло бы в создании образа.

– Ой, было бы о чем рассказывать! – воскликнула она. – Я обычная папина дочка, единственная и любимая.

– ... Милая и веселая, – добавил Василий.

– ... Капризная и избалованная, – продолжил Борис.

– А вот и нет, – улыбнулась она. – Отец у меня товарищ строгий, и воспитывал меня сурово. Времени свободного у меня почти не было. Зато я успела позаниматься гимнастикой, теннисом, верховой ездой и плаванием. Еще меня заставляли много читать, зубрить языки, слагать стихи, вести дневник и учиться без троек.

– А молчать?..

– Могу неделями!..

– А водку пить?..

– Вообще-то не очень... Но, если родина прикажет – то конечно!

– А это... как его...

– Нет, нет. Этого нельзя. Я девушка воспитанная и папу слушаюсь.

– Молодец!

– Да я знаю... – вздохнула она и села в глубокое кресло Сергея. Несколько раз подпрыгнула, проверяя мягкость. – Кому только всё это надо?

– Нам! – рявкнули Василий с Борисом.

– Правда? Вы такие милые... А тебе, Сережа?

– И мне, конечно... – едва заметно улыбнулся тот. – Зря,

что ли старалась и мучилась? Столько же трудов!

– А мы еще увидимся?

– Конечно, приходи. Видишь, ты здесь пришлась ко двору... студии.

Вздохнув, девушка забралась обратно на подиум. Мужчины заняли рабочие места. Через полчаса, проведенные в молчании сторон, Борис спросил:

– А какими, Наташа, мы тебе показались?

– Василий – добрый, ты, Борис, – девушка, а Сережа – гений.

– Гм-гм! – возмутился поэт.

– Все правильно, – подтвердил художник.

Снова наступило молчание. Наташа замерла, стараясь не шевелиться, но видимо что-то ее сильно заинтересовало. Она вздохнула, как перед прыжком и спросила:

– А что вы разглядели во мне?

– Весну человечества, – сказал Василий.

– Вихрь светлых образов! – добавил Борис.

– Отражение совершенной красоты будущего века, – глухо откликнулся поэт. – Божественной красоты... Я верю, что в будущем веке все люди будут идеально прекрасны.

Наташе эти трое нравились все больше. «Как это похоже на мои мысли, – думала она. – С одной стороны, они, конечно, растяпы и смахивают на шалунов, которые не спешат взрослеть... Хотя это только внешне. С другой стороны, им тоже хочется сохранить в душе самое лучшее, что было в

детстве: ежедневные открытия красоты и... Чистоту? Мечту? Они каждый по-разному определяют это, но все равно похоже. А я-то... Какая ответственность, оказывается, лежит на мне! Самое лучшее, что есть во мне, увидят другие. Их, может, будет тысячи, сотни тысяч... О, Боже, помоги мне!»

Вечер поэзии

...И тут произошло нечто! В большие оконные витражи дохнул сильный ветер. Рамы выгнулись, едва сдерживая мощный порыв упругого воздуха.

– Пойдемте наружу! – воскликнул Сергей, стряхнув шлепанцы. – Сейчас что-то будет!

Они выскочили на улицу. Здесь от земли до небес вихрем носились сорванные листья, обрывки бумаги и клубы серой пыли. Гудели натянутые тетивой провода. Бесстрашные ласточки совершали бреющие полеты у самого асфальта, резко взмывая ввысь и теряясь в клубящейся черноте. Их возбужденный свист тонул в рычании ветра. На горизонте сверкнули зарницы, и только через секунды раздались сухие громовые выстрелы. На востоке небо еще сверкало покойной синевой, а с запада несло толстые бурые тучи, неотвратимо накрывающие город.

Первые теплые капли тяжело упали на серый асфальт. Потом на миг все замерло... Сильно запахло мокрой пылью. Длинная борода под черной тучей достигла места, где стояли наши герои – и сильные струи небесной воды плеснули на разогретую жаром землю. Мужчины с девушкой стояли под козырьком входа, но мелкая дождевая пыль и брызги от асфальта доносили и до них сырую свежесть. Вдруг совсем рядом сверкнула ослепительная молния, и сразу оглушитель-

ный грохот сотряс все вокруг.

Дождь мерно зашелестел по листьям и траве, по черному асфальту и бордовым крышам. С востока блеснул последний луч солнца – и широкая радуга на секунды ласково обняла все вокруг: от умытой земли до грозных клубящихся туч.

Первым выскочил из укрытия поэт и запрыгал вокруг клумбы, размахивая руками. Вторым – Борис, подставив лицо с открытым ртом под струи дождя. Василий перед прыжком в воду обернулся к модели и удивленно спросил:

– Чего медлишь, прекрасное дитя ужасного века?

– Так, дядь Вась, на мне реквизит, – чуть не плача пожаловалась девушка. – Казенный!..

– Ерунда. Забудь. Дождь важнее!

Взяв девушку за руку, художник деловито вступил под дождь, словно это был теплый утренний душ. Наташа же издавала все звуки, на которые способна девичья гортань, разумеется, на предельной громкости... От басовитого паровозного гудка до ультразвуковых флейтовых трелей.

...За парным чаем с липовым медом и ванильными сухарями они сидели в махровых халатах до пят. На голове девушки белела чалма из скрученного полотенца. Румяное лицо без следов косметики сияло яблочной свежестью. Голос после активной вокальной тренировки стал звонким и мелодичным.

– Столько переживаний всего за несколько часов, – пропела она контральто, – это здорово!

– Друзья, – сказал поэт, – это знак свыше: Наташа сюда пришла – ой, неспроста. Что-то будет.

– Сереж, а что ты написал? Можно послушать?

– Не жмись, гений, – встрял Борис, – облистай народ поэзой.

– И правда, Сереж, побалуй нас, – кивнул Вася и занял место у нового белого холста, неведь когда поставленного взамен прежнего с эскизом «скандинавским, мясистым».

Сергей встал и профессионально побледнел. Затем потянулся сперва рукой, а потом всем телом куда-то вправо-вверх. Его чуть хриловатый осмелевший голос взлетел туда же, отражаясь от апельсиновых стен упругим эхом. Поэт сразу изменился, стал ничьим, сильно вырос, а за его спиной словно выпростались мощные крылья. Он пел и стонал, внезапно переходил на шепот – и вновь взрывался раскатистым громом. То вдруг замолкал, устанавливая тишину, в которой громко стучали сердца, а кровь шумно струилась по жилам, – то снова обрушивался мощным приливом, будто океанская пенистая волна...

«...тридцать Первая любовь»

*Посвящается Галине,
которая в 18 лет
вышла замуж за нищего
инвалида-художника*

Мне говорили старые друзья:
«И что нашел ты в этой мышке серой?»
А я молчал, и сам не понимал,
Что вышел за обычные пределы.

Я изучил телесную «любовь»
И был циничным, грубым и липучим.
Но сердца лёд не растопил огонь,
Зажженный Эросом, животным и дремучим.

И вот явилось это существо!
...Нечеловечески тиха и световидна,
Как бабочка прозрачна и невинна,
Как море неохватно глубоко.

Как многое впитало и несло
Такое хрупкое телесное создание!
И треснуло, расселось мироздание,
А сердце потеплело, ожило.

О, сколько сладких мук я пережил,
Ночей бессонных испытал круженье
Пока сумел озвучить предложенье,
Пока ответ обратно получил.

Она была тиха и простодушна,
Стояла близко – руку протяни.
Но, лишь касаясь ступнями земли,

Парила в иномирности воздушной.

Встречались наши руки и глаза
И опускались, будто от ожога.
Я знал, что ты робка и недотрога —
– в себе такого не подозревал.

Ты освещала и преображала,
Все, чего рука твоя касалась.
Воздухом твоим легко дышалось,
И вокруг тебя жила весна.

Когда мы были вместе, всё вокруг
Живое, гибкое – тянуло к нам ладони
И солнце выходило из заслона,
И ночью звезды завершали круг.

Мы проживали день за целый год,
Неслись недели, обгоняя свет.
Минута, замирая, длилась век.
И знали мы, что это ненадолго.

... Она меня тогда впервые обняла,
прижалась так, как будто умирала,
и плакала, и руки целовала.
Все объяснила и... к нему ушла.

А я кричал ей вслед!
А я вздыхал ей вслед.

А я шептал ей вслед:
«Хоть сердце и болит,
Прости, любимая,
что я
...не инвалид!...»

– Только, чтобы написать такой стих, стоило родиться, – прошептала девушка, в полной тишине.

– О, несчастная! – прогудел Борис, но взглянув на Наташу, спешно пояснил: – ...Девушка та, что к Васькиному коллеге ушла. Уходить, так к прозаику! Красивому и подающему надежды...

– Сережа, это автобиографично? – спросил Василий, шмыгнув носом и промокая рукавом глаза.

– О чем вы! Бросьте препарировать тайну! – взревел чей-то голос, и все резко оглянулись. В дверях, опершись плечом на дверной косяк, стоял высокий блондин в элегантном белом костюме с мужественным загорелым лицом.

– Валентин! Брат! – хором закричали сожители.

– Вот решил соскучиться. Заглянул на огонек, и кажется не зря. Серега, если бы это для тебя что-нибудь значило, – сказал Валентин, шагая к поэту, раскрыв объятья, – я бы тебе белый «мерс» подарил за эти вирши.

– Если поэту машина не нужна, могу я получить, – заботливо предложил Борис.

– А теперь что-нибудь эдакое, родное! – сказал Валентин. – Чтобы душу согрело!

– Вот это я, Валь, тебе написал. Называется «Разговор с другом» – поэт опустил голову и задумчиво, немного нараспев прочитал:

Вино густое, как кровь, как эта июльская ночь, пью
сегодня с тобою

На теплом камне, где прежде сидели вдвоем и подолгу
молчали.

С тобою и только с тобой мне спокойно молчалось всегда.
Зачем ты меня не учил жить без тебя и молчать без тебя?

Славка! Не бойся, слышишь, друг, я не забуду тебя.
Обещаю.

В своей непутевой, пьяной жизни пустой не забуду тебя
никогда.

В чаду и безумном кружении дней не забуду тебя
никогда,

Потому что нет у меня никого и не было ничего. Ты один!
Вот так...

Так как ты, умела смотреть на меня только мать, пока я
не вырос.

Из глаз твоих лучилось тепло, тепло, которое так
согревало.

А ты шаркал рядом со мной, припадая на ногу с
осколком,

А ты сидел и молчал, – и тепло разливалось в душе.

Ты отдавал мне последние деньги и жил непонятно на что,

Ты не спрашивал о долгах никогда и прощал, забывая.

Ты протягивал книги, хорошие книги, и тихо шептал:
прочти.

Диктовал ты мне письма друзьям и отцу: им будет приятно, пиши.

Вино пряное, как слезы, пью и на небо смотрю,
И звезды – ты их любил – стекают по скулам и бьют по груди.

Славка! Почему твое сердце оказалось слабым таким?
Ведь оно столько лет терпело ложь мою и боль от предательств моих.

А теперь... как мне жить без тебя, когда не с кем молчать?

И кто меня будет прощать, если я не прощаю себя?

И кто, не ожидая взамен ничего, будет смотреть на меня
Глазами, из которых струится тепло и светлая боль?

И что теперь мне это вино без тебя, холодный гранит и
могильный холм?

Зачем прихожу я сюда, как побитый и брошенный пес?

И как я забуду тебя, Славка, забуду твой взгляд,
Когда прожигает он сердце мое до самого адского дна?

Это ты? Мне стало тепло и спокойно. Это ведь ты?
Ты пришел успокоить того, кто тебя предавал?

Ты вернулся простить того, кто тебя убивал?
Это ты. Я узнал. Мне стало легко. Это ты. Славка,
прости!..

– О, эта баллада, Валентинище, не то что на «мерс», на «ламборджини» потянет, – пробасил Борис. – Я как и прежде готов получить его вместо брата!

– Умоляю, перепиши! – не обращая внимания на прозаическое вымогательство, сказал хозяин, крепко обнимая смущенного Сергея. – Вручную... Чтоб типа факсимиле! Когда разорюсь, я за него целое состояние выручу. Глядишь, до конца дней себя обеспечу.

– И не надейся, – успокоил его Сергей, – не разоришься.

– В этом-то вся и трагедия, – согласно кивнул Валентин. – Вдохновение любит смиренных, а деньги – дерзких. Батюшки!.. Экая дивная принцесса под убогими сводами нашей пещеры.

Девушка, не отрывая восторженного взора от поэта, протянула кавалеру вялую ручку под поцелуй. Она снова не видела никого, кроме покрытого багровыми пятнами растре-

панного Сергея.

– Ах, как я понимаю эту чуткую девушку! – В замешательстве кашлянул хозяин, не привыкший к забвению своей персоны, и растерянно оглянулся. – Только Вася здесь еще работает, – проворчал он, подойдя к художнику.

Василий тонкими округлыми линиями выводил женский профиль. Его лицо, руки и бархатную толстовку нарядно покрывали пятна краски.

– Так. И здесь наша таинственная принцесса белой ночи. О, даже в двух вариантах: один для тела, другой для души. И это понятно. Ладно, пойду... в кабак и напьюсь, как самая грязная свинья.

– Что вы, не надо, – сказала девушка, с трудом отрываясь от созерцания поэта. – Если из-за меня, то не стоит. Хотите, я вас чаем вкусненьким угощу?

– Хочу, – кивнул Валентин, смягчив лицо. – У меня такое чувство, что мне с вами приходилось где-то встречаться. Как ни банально это звучит...

– Не удивительно, вы иногда заглядываете в кабинет моего папы.

– Ну вот же! – хлопнул он себя по лбу. – Так вы та самая Наташа? Ну да. Как тесен мир. Кажется я продолжаю сыпать банальности.

– Это ничего, – улыбнулась девушка по-матерински, протягивая ему чашку, – учитывая, что это правда.

– Кажется, я теперь понимаю моих добрых друзей, у кото-

рых так неподдельно сияют глаза. Кажется вы, Наташенька, подарили им день вдохновенья.

– Если это так, я только рада.

– Ну, ладно, с этими двумя парнями все ясно. А чем нас порадует любитель шикарной жизни и престижных авто? – спросил он, повернувшись к Борису.

– А вот, вашество-с, гражданин начальник, – сказал тот, в шутовском поклоне поднося ноутбук к глазам хозяина. – Эссе-с.

– Я с твоего позволения прочту вслух? – спросил он писателя. И, получив в ответ согласный кивок, стал медленно, чуть не по слогам читать:

«Ее прозрачные глаза, полные слез, неотрывно глядели на нищего. На его ветхое пыльное рубище, едва покрывающее серую наготу; на черные опухшие руки и одутловатое лицо с набрякшими щеками и редкой щетиной; на спутанные волосы, облепившие усохший, изрезанный шрамами череп. Тонкие девичьи тонкие пальцы лихорадочно перебирали внутренности кисейной сумочки в поисках хоть каких-то денег. Но, безуспешно! Тогда она сняла с себя мантию из горностая, положила к дырявым башмакам и, покачиваясь, ушла прочь. Ее худенькая спина под шелковым платьем сотрясалась от рыданий. Нищий удивленно смотрел на переливчатый мех мантии и шепотом повторял: «Зачем так-то, барынька? Зачем так-то!...» До головокружения пахло свежей листвой. А высоко в небе собирались полчища лиловых туч».

– Как хорошо, – сказала Наташа, глядя на серьезного Бориса. – А что дальше?..

– А это, милая девушка, – сказал Валентин, – мы узнаем чуть позже. Нет, право же, какие орлы здесь собрались, а? «Богатыри! Не мы...» Так иногда хочется бросить все и посвятить остаток дней высокому искусству. Только... Не выйдет, – произнес он по слогам. – «Рожденный ползать...» и так далее и тому подобное... Но ценю! Всей душой, как могу – ценю, друзья, ваш дар. И обещаю помогать до последнего, так сказать, хрипа. А к своим словам, как сказала Багира из одноименного мультфильма «Маугли», я добавляю... – Он сказал в трубку сотового телефона «вноси» – я добавляю... – В дверях появился крупный человек в черном костюме с двумя сумками в руках. – Добавляю этого быка, только что задранного мною. Что стоишь, громила? Расставь по полкам холодильника. А вообще-то это спецпак для особо одаренных чудаков. Кушайте на здоровье!

– Ты, Валь, всегда думаешь нас, – констатировал Борис, как-то странно вывернув рекламный слоган.

За оливковыми стеклами витражей опускалась нежная летняя ночь. После молниеносного дождя заметно посвежело, и душистые воздушные волны закатывались в распахнутые настежь двери. Художник увлеченно водил по холсту длинной кистью, то приседая, то поднимаясь во весь рост. Он пыхтел и бурчал, напевал что-то под нос, то вдруг принимался громко сопеть. Писатель щелкал по клавишам ноут-

бука, прихлебывая чай, изредка брал амбарную книгу и записывал что-то для памяти карандашом.

Золотая роза

А в это время по липовой аллее шли поэт с девушкой и говорили, говорили...

– Сережа, признайся, белый костюм ты надел в мою честь?

– Увы! Просто... Знаешь, как говорится, женщине нечего надеть, когда кончается модное, а мужчине – когда кончается чистое. Мое последнее чистое намокло под дождем, а это из реквизита.

– Ну, почему ты меня все время осаживаешь, как наездник лошадь?

– А ты не бросайся в галоп...

– Ладно, не буду... Мне как, лучше рысцой?

– Иноходью... Нет – шагом!

– Сережа, ты любил кого-нибудь?

– А как же? У меня было где-то тридцать любовей. Каждая избранница клялась на крови, что она навечно.

– И почему же вы расставались?

– По простой причине: женщина отказывалась подчиняться мужчине. И даже наоборот, чуть ли не со второго свидания начинался процесс моего подчинения. Этого я, как мужчина, допустить не мог, в результате – «вечная любовь» растворялась и улетучивалась, как дым. А вообще-то я влюбчивый.

– Не заметно. А я впервые.

– Зря. Это так приятно. Особенно, когда нераздельно и безответно.

– А по-моему, это страшное мучение. Я этого боюсь.

– Тебе вообще в этой жизни ничего бояться не стоит.

– Правда? Почему?

– Потому что... Потому что у тебя есть всё: папа, ...мы...

– А ты?

– ...И я.

– Да?

– Ну, да...

– Хорошо. Это очень хорошо. Ах, как хорошо!

– Гм-гм! – прозвучало ударом хлыста по голенищу.

– Вернуться к шагу?

– Да, если можно.

– Слушай, а чего ты так боишься?

– Это не страх. Это – опыт. Что резво начинается, то быстро кончается.

– Значит, ты не хочешь, чтобы кончилось?

– Нет. Мне вообще нравится, когда только начинается и не кончается никогда.

– И мне тоже.

– Тогда все нормально. Мы пришли к полному кон... консоль... консенсусу!

– И что дальше?

– Мне стихи писать, тебе – слушать и оценивать. Ну, там, ежели пельмешки или еще чего из салатов – тоже не лишнее.

– Ах ты... купец-молодец!

– Да вот.

– «Суров ты был. Ты в молодые годы учил рассудку страсти подчинять. Учил ты жить...»

– Стоп! Там дальше галиматья. Не стоит ее повторять.

– Счастье и свобода по-твоему галиматья?

– В их понимании – да!

– А есть другое? Не их?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.